

УДК 911.3

Д. Н. Морковская¹,
Н. В. Чугунова²,
Н. С. Кухарук³

Мобильность населения сельских территорий Центрально-Черноземного района и возможности диффузии инноваций

^{1,2,3}ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, Российская Федерация
e-mail: darya.morkovskaja@yandex.ru¹,
Chugunova@bsu.edu.ru², kuharuk@bsu.edu.ru³

Аннотация. Центрально-Чернозёмный район, с его уникальным природно-хозяйственным потенциалом, под совокупным влиянием многих факторов, главным из которых являлась урбанизация, претерпел значительные изменения в экистических процессах. Урбанизация способствовала метрополизации региональных столиц, ускорила процессы миграции из сельской местности и малых городов, изменила социально-экономическое, экистическое и демографическое пространство территорий. Исследование выявило роль социальной мобильности населения в трансформации расселения, демографических потерях села, изменении качества населения. Определено, что самые радикальные изменения произошли в росте численности населения пригородных и сокращении численности населения периферийных и собственно приграничных районов исследуемых областей. Структура экономики, высокая длительная мобильность молодых, образованных, креативных людей из сел в региональные метрополисы приводят к изменению качества человеческого капитала, сложностям восприятия технологических новаций в сельской местности. Результаты проведенной работы имеют практическое и теоретическое значение: предоставляют возможность принимать обоснованные управленческие решения пространственного развития региона, выявлять новые проблемы кардинальных изменений территориальной организации российского общества.

Ключевые слова: мобильность, население, экистика, территориальная, социальная, миграции, новации, Центрально-Черноземный район, приграничье.

Введение

Исторически сложившееся расселение России радикально меняется в результате действия ряда факторов: социально-экономических, урбанистических, демографических, достижений научно-технического прогресса, приводя к изменениям рисунка городского и сельского расселения.

Для сельской местности (не только Центрально-Черноземного района) последних десятилетий характерна высокая вынужденная социальная мобильность населения, вызванная сокращением занятости населения, стабильно высокой напряженностью на рынках труда. В структуре занятости сельского населения сельское хозяйство теряет значение, поскольку индустриальные способы производства сельскохозяйственной продукции сокращают число

занятых, другие же сферы приложения труда не создаются, что в итоге приводит к системной безработице и вынужденной территориальной мобильности (миграции) и, как следствие, последующей деградации многих староосвоенных территорий. Истончение сельской среды большинства районов старого освоения страны [1] вызвало перестройку расселения и привело к разным последствиям.

К позитивным изменениям сельской местности можно отнести повышение мобильности населения, способность человека изменять место работы и проживания, развивать коммуникабельность, воспринимать новую информацию, менять социальный статус. Измененные количественные (масштаб) и качественные характеристики сельской местности оказывают противоречивое влияние на развитие конкретной территории, общества.

Необходимость исследования роли сельской местности в пространственной организации общества осознана давно, о чем свидетельствуют многочисленные работы социальных географов, социологов, экономистов.

Непосредственно сельской местности России посвящен ряд интересных работ Т. Г. Нефедовой [2, 3]; трансформации сети сельского расселения, важности качества населения, его активности — статья А. И. Алексеева [4], экологическим функциям, феномену эколого-ресурсного «диссонанса» в сельскохозяйственной сфере — работа Н. Н. Клюева [5]. Авторы данной статьи также внесли скромный вклад в изучение сельского расселения [6, 7]. В России провозглашены принципы устойчивого сельского развития [8]; сельскому аспекту устойчивого развития городов посвящалась 19 сессия ООН Хабитат [9].

Объектом исследования данной работы является территория Центрально-Черноземного района (Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области), предметом изучения — процессы мобильности сельского населения района.

Основными задачами работы являлись оценка распределения и перераспределения населения по территории Центрально-Черноземного района; установление роли социальной мобильности сельского населения в демографических потерях сельской местности, изменениях качества его населения, проблемах диффузии инноваций; поиски возможной модели будущего сельского расселения.

В Центрально-Черноземном районе (ЦЧР) проживает 7,2 млн человек — 4,8% населения Российской Федерации, 2,3 млн сельских жителей [10], при этом территория района составляет один процент площади страны.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составляют систематизированные и обработанные авторами официальные данные статистических сборников Росстата РФ и его территориальных органов, материалы собственных исследований авторов.

Базовыми материалами для создания векторных карт послужили данные сервиса data.nextgis.com, таблицы атрибутов которых верифицированы и дополнены статистическими данными о численности населения (на 01.01.2010, 01.01.2019, 01.01.2020). Для создания картосхем использован программный комплекс ArcGIS 10.5, обеспечивший ввод, обработку, анализ, моделирование и компоновку геоданных.

Использованные методы изучения — сравнительно-географический, математической статистики, ГИС-технологий, системно-структурного анализа.

Результаты и обсуждение

К актуальным проблемам территориальной мобильности сельского населения Центрально-Черноземного района (ЦЧР) отнесены следующие результаты.

Рост мобильности населения, сокращающий долю и численность сельского населения в субъектах России — характерные тенденции в территориальной организации общества (ЦЧР не исключение) последних десятилетий. В 1970 году доля городского населения ЦЧР составляла 39%, в 2020 г. — 66%. Самые значительные сокращения численности сельских жителей произошли в Курской и Тамбовской областях. Решающим фактором изменений численности населения являются миграции — территориальная мобильность с преобладанием направления «периферия-центр», приводящая к концентрации, сосредоточению населения в пригородах больших городов, областных центров — региональных метрополисов.

В Центрально-Черноземном районе в XXI в. основу системы населения и расселения составляют формирующиеся шесть крупных агломераций (метрополисные ареалы [11]) с центрами в городах Белгород, Старый Оскол, Воронеж, Курск, Липецк, Тамбов, вокруг которых наблюдается сгущение населения и расположены самые крупные по численности населения муниципальные образования (МО) областей. Лишь Курская область выделяется меньшим сгущением населения вокруг региональной столицы и равномерной локализацией муниципальных образований низкой численности населения (рис.1).

«Сжатие пространства» протекает при сокращающейся численности населения ЦЧР с 8,0 млн человек в 1970 г. до 7,1 млн человек в 2020 г. (11%) как следствие демографических процессов, усиления территориальной мобильности населения за пределы района, урбанизации. В составе района в течение 50-ти лет стабильным ростом численности населения отличалась лишь Белгородская область (на 25%) вследствие значительного миграционного притока. Детальный анализ динамики численности сельского населения по МО с 2010 по 2020 г. свидетельствует о «локационном» типе сжатия» [17], грозящим потерей обжитых, экономически активных земель периферии областей, усилением поляризации, фрагментацией пространства. Локационное сжатие идет параллельно с коммуникационным: ростом доступности центров за счет увеличения густоты автомобильных дорог [18], автомобилизации населения, скорости передвижения, пространственной дифференциацией размещения населения.

Самые значительные сокращения численности сельского населения произошли в Курской и Тамбовской областях (рис. 2).

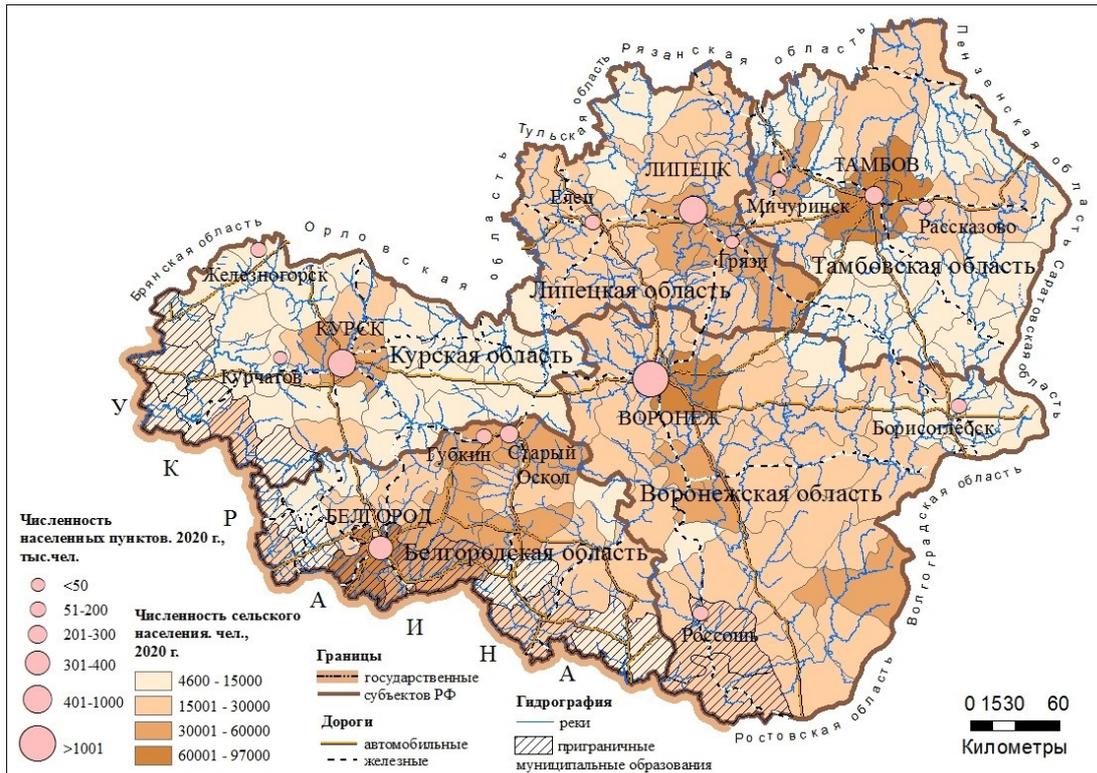

Рис. 1. Расселение населения Центрально-Черноземного района. 2020 г.
Рисунки 1-4 составлены по [12, 13, 14, 15, 16].

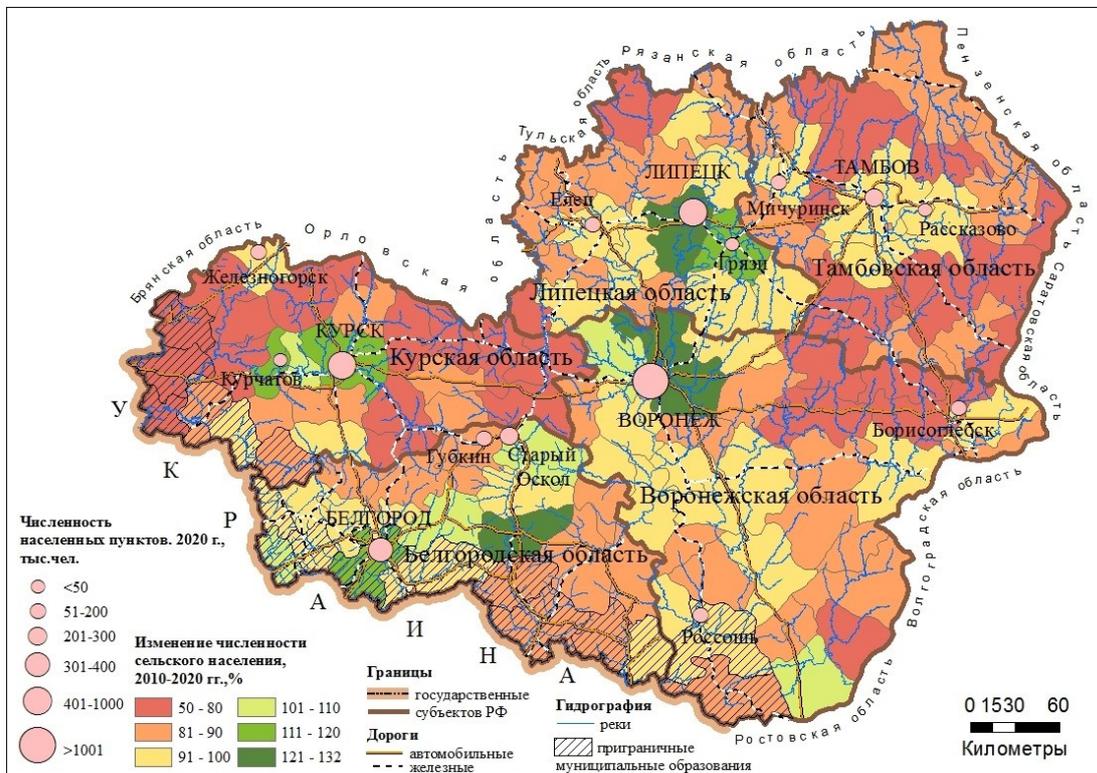

Рис. 2. Изменение численности сельского населения муниципальных образований Центрально-Черноземного района. 2010–2020 гг., %.

Особенностью Центрально-Черноземного района является приграничное положение с Украиной трех областей — Белгородской, Воронежской, Курской: с 2002 по 2019 г. численность населения областей сократилась на 5.1%, население собственно приграничных территорий — на 7.1%, увеличение было отмечено только в пригородном Белгородском районе. Самые значительные падения численности населения приграничных районов произошли в Курской области — за последние десять лет на 19% [19]. Поскольку численность населения любой территории зависит от действия двух факторов — естественного и механического движений, то при перманентной естественной убыли во всех областях ЦЧР доминантным фактором стали масштабы миграций и их сальдо.

Миграции в данной статье рассматриваются как вид социальной мобильности населения, признак и фактор развития урбанизации, сочетающий вертикальную (переход по ступеням служебной иерархической лестницы) и горизонтальную мобильность (перемещение в географическом пространстве).

Согласно результатам наших расчетов, *высокое положительное сальдо миграции* характерно только для областных столиц — региональных метрополисов и их пригородов, за исключением Тамбовской области (рис. 3). Тамбовская область имеет худшие показатели: лишь в трех районах положительное сальдо миграции, в то время как в Воронежской области в 2/3 районов (68%), Курской области в четверти районов (26%).

Не диверсифицированная структура экономики села, безработица, низкий уровень благоустройства, неразвитая социальная среда, привлекательный образ крупного города увеличивают мотивацию отъезда населения из сельских населенных пунктов.

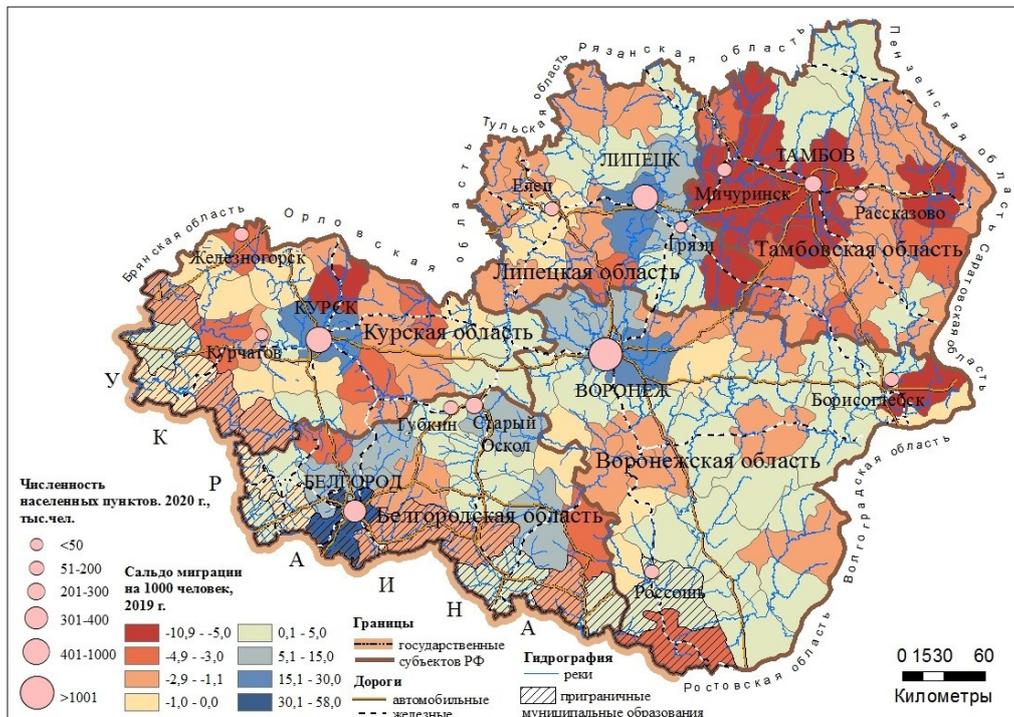

Рис. 3. Сальдо миграции. 2019 г., на 1 000 чел.

В собственно *приграничных* районах положительное сальдо миграции становится редким показателем: в Белгородской области из девяти порубежных районов — лишь в четырех с разницей в показателях от 4 704 в Белгородском (одновременно пригородном) до 18 человек в Ровеньском; Курской — из шести — в Рыльском; Воронежской из двух — в Россошанском.

Детальную картину подвижности населения отражает *коэффициент миграционной подвижности населения* (КМПН) территории, определяемый как отношение суммы прибывших и выбывших к численности населения, на тысячу жителей. Центрально-Черноземный район отличается дифференцированными показателями среднего арифметического значения коэффициента миграционной подвижности населения, рассчитанного на две даты — 2010 и 2019 г. Очень высокие коэффициенты территориальной подвижности (мобильности) характерны для периферийных районов: Ракитянского Белгородской области; Богучарского, Семилукского Воронежской; Данковского, Грязинского Липецкой; Дмитриевского, Пристенского, Хомутовского Курской; абсолютного большинства — Тамбовской; низкие — для районов, расположенных вокруг городов (рис. 4).

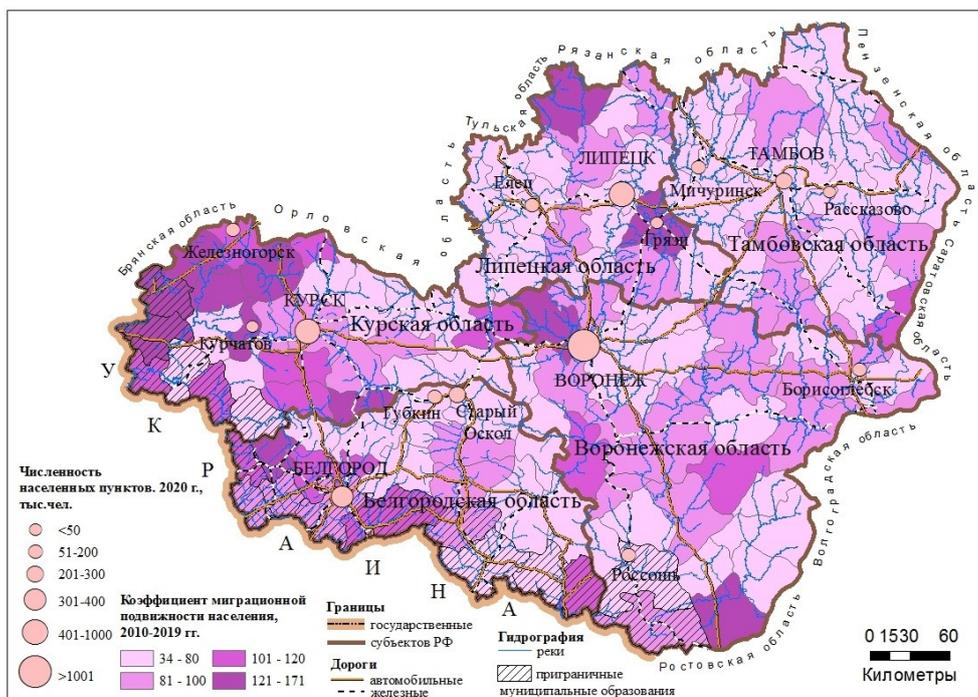

Рис. 4. Коэффициент миграционной подвижности населения. 2010–2020 гг. На 1 000 чел. Среднее арифметическое.

Следствием высокой территориальной мобильности сельских жителей, длительным отрицательным сальдо миграции могут быть затруднения в диффузии инноваций, особенно технологических.

Поскольку мобильность сельского населения в региональные метрополисы характерна преимущественно для молодых, образованных, креативных людей, то следствием их оттока становится «отрицательный» социальный отбор. Для определения доли лиц со специальным средним и высшим образованием в составе сельского населения как акторов восприятия инноваций мы обратились к

официальной государственной статистике, но, к сожалению, Росстат отображает результаты лишь последней переписи населения 2010 г. и предлагает обобщенный показатель «доля лиц с уровнем образования не ниже среднего профессионального». Из его данных следует, что специалисты с уровнем образования не ниже среднего профессионального составили в сельском населении 34%, в городском — 54% с незначительной дифференциацией по областям [19]. По столь «размытому» показателю трудно сделать конкретные выводы. Заметим лишь, что сельский образ жизни глубинных районов не предполагает высокой общественной активности в силу низкой плотности населения, немногочисленности контактов, сложностей в повышении образовательного уровня. Но проникновение потребительских инноваций в определенной степени модернизируют образ жизни.

Большую часть населения сельской местности составляют жители средних лет и старше, менее восприимчивых к процессам распространения инноваций и поэтому вероятность проникновения технологических инноваций в сельскую местность может быть низкой. К сдерживающим новации факторам следует отнести немногочисленность в сельской местности «новаторов» и многочисленность «отстающих» — «консервативных, сосредоточенных на «традициях», не любящих перемены, принимающих инновации только когда они стали общепринятой нормой, категорий людей с низким социальным статусом и низкой финансовой обеспеченностью» [20. С. 6].

Определенные выводы о социальной мобильности населения можно сделать на основе структуры занятости населения по отраслям экономики.

Согласно данным статсборника «Регионы России», основными видами деятельности (занятости) в ЦЧР являются торговля оптовая и розничная, обрабатывающие производства, сельское хозяйство (табл.). Повышенная доля занятых в сельском хозяйстве на фоне РФ и ЦФО обоснована специализацией ЦЧР в общероссийском разделении труда, высокая же доля торговли («торговый флюс») свидетельствует о псевдотерциализации в районе (полагаем, что COVID-19 переведет часть торговли в виртуальное пространство).

Таблица 1
Распределение численности занятых в экономике по видам экономической деятельности, %. 2019 г.

	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Обрабатывающие производства	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	Образование	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг
РФ	6.7	14	19.0	7.6	6.2
ЦФО	4.3	13.9	20.8	6.2	5.2
Белгородская	12.9	16.2	17.3	9.3	6.3
Воронежская	12.3	13.4	22.5	7.1	6.5
Курская	12.1	13.9	20.7	9.6	7.0
Липецкая	10.9	17.8	18.7	6.5	6.5
Тамбовская	22.4	13.4	17.1	7.4	6.4

Составлено по [19. С. 21]

Сборник не отображает порайонной занятости населения в науке, научно-технической сфере, информационном обслуживании. Можно лишь высказать предположение, что высокая занятость в торговле и первичном секторе не содействуют инновационному развитию областей, сельской местности, в частности.

Следует заметить, что общество, жизнь людей стремительно меняются и «эффект колеи» — унаследованные различия между модернизирующимся центром и традиционной сельской периферией изменяются, а в сельских пригородах столиц — стираются.

Ранее отмечено [21], что никто достоверно не знает, каким окажется грядущее общество. Мир стоит на пороге информационного, цифрового общества, в котором знания будут играть решающую роль и произойдет объединение труда и средств производства. В таком обществе меняется форма организации производства: нет необходимости в концентрации производства, как это имело место в индустриальном обществе, и каждый может полноправно участвовать в производственном процессе, находясь в удалении от крупных промышленных центров, проживая в маленьком городе или сельской местности.

В России активно формируется дистанционная занятость, создаются модели новой волны миграции из городов в экологически чистые районы, осуществляются необходимые деловые коммуникации через Интернет независимо от места жительства — технологии инфокоммуникаций предоставляют такую возможность, открываются новые вероятности сельской местности.

Выводы

Проведенное исследование показало перераспределение населения в направлении «периферия-центр», установило рост мобильности сельского населения, следствием которого стало сокращение его доли и численности в составе района, наиболее значительное в приграничных с Украиной областях ЦЧР.

Анализ типов «сжатия» пространства выявил доминанту в сельском расселении «локационного» сжатия, усиливающую поляризацию расселения, фрагментацию пространства.

Рассчитанный коэффициент миграционной подвижности населения отобразил высокую мобильность населения в периферийных районах, низкую — в пригородных.

Территориальная мобильность населения высоко дифференцирована: в меньшей степени оттоком сельских жителей затронута Воронежская область с явным преобладанием районов с положительным сальдо миграции, в Белгородской области - примерно половина, Липецкой — две/пятых, Курской — четверть районов. Худшие показатели по ЦЧР в Тамбовской области — лишь три района из 23 имеют положительное сальдо миграции.

В собственно приграничных районах мобильность населения особенно высока: из 17-ти порубежных районов в 11-ти отрицательное сальдо миграции.

Длительная, высокая территориальная мобильность молодых, образованных, креативных людей из сел приводит к ухудшению человеческого капитала сельской местности. Высока вероятность сложного восприятия населением

технологических новаций, диффузии инноваций в сельскую местность. Значительная доля торговли и первичного сектора в структуре занятости населения также могут затруднить инновационное развитие общества.

Но, возможно, формирующееся информационное и цифровизирующееся общество, рост потребительских новаций, удаленная работа из села изменят грядущее общество сельской местности.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №20-05-00074.

Литература

1. Трейвиш А. И. Старые районы 30 лет спустя в условиях постиндустриального сжатия пространства / Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития // Отв. редактор В. Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина И. И., 2019. С. 12–24.
2. Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
3. Нефедова Т. Г. Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону, 2018. С. 4–21.
4. Алексеев А. И. Человек и природа в развитии сельской местности Нечерноземья // Региональные исследования, 2014. № 4. С. 81–87.
5. Клюев Н. Н. Эколого-ресурсный диссонанс в сельском хозяйстве российских регионов / Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации: монография, ред. кол.: Л. И. Попкова (отв. ред.), И. Е. Требушкова, С. А. Казаков. Курск, КГУ, 2017. С. 391–397.
6. Чугунова Н. В., Полякова Т. А. Современные тенденции эволюционного развития сельского расселения региона / География: история, современность, перспективы // Сборник научных трудов. Под ред. Г. С. Гужина. Краснодар. Кубанский госуниверситет, 2012. С. 531–543.
7. Чугунова Н. В., Морковская Д. Н. «Мертвые» деревни в структуре сельского расселения Центрально-Черноземного района / Географические исследования Сибири и сопредельных территорий // Материалы Международной географической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика В. В. Воробьева (Иркутск, 21–25 октября 2019 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2019. С. 97–101
8. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2669918-pall.html>. (дата обращения: 14.03.2021).
9. 19 сессия ООН Хабитат [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://uchebana5.ru/cont/1528702-p3.html>. (дата обращения: 15.11.2020).
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Стат. сб. // Росстат. М., 2020. 1402 с.
11. Чугунова Н. В., Нарожняя А. Г. Внутренняя структура агломераций и городского пространства Центрально-Черноземного района средствами ГИС // Управление городом. Теория и практика. № 3 (37), 2020. С. 56–62.

12. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst14/DBInet.cgi>. (дата обращения: 18.03.2021).
13. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst20/DBInet.cgi>. (дата обращения: 18.03.2021).
14. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst38/DBInet.cgi>. (дата обращения: 18.03.2021).
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тамбовской области. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (дата обращения: 18.03.2021).
16. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области. [Электронный ресурс] Режим доступа: (дата обращения: 18.03.2021). <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst42/DBInet.cgi>.
17. Трейвиш А. И. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией / Проблемы географической реальности. IX сократические чтения // Сб. докл. Под ред. В. А. Шупера. М., 2012. С. 166–190.
18. Чугунова Н. В., Нарожняя А. Г., Полякова Т. А., Кухарук Н. С., Морковская Д. Н. Поляризация пространства Белгородской, Воронежской, Курской областей: роль региональных столиц // Известия Русского географического общества, 2021, Том 153, № 2. С. 18–29.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Р32. Стат. сб. / Росстат. М., [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf. (дата обращения: 18.03.2021).
20. Носонов А. М. Теория диффузии инноваций и инновационное развитие регионов России // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 3–16.
21. Чугунова Н. В. Сельская местность региона: расселение — прошлое и неопределенное будущее // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Санкт-Петербург-Ростов-на-Дону, 2014. № 3. С. 122–134.

**D. N. Morkovskaya¹,
N. V. Chugunova²,
N. S. Kukharuk³**

***Mobility of the population of rural areas of
the Central Black Earth Region and the
possibility of diffusion of innovations***

^{1,2,3}Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation
e-mail: darya.morkovskaja@yandex.ru¹,
Chugunova@bsu.edu.ru², kuharuk@bsu.edu.ru³

Abstract. *The Central Black Earth Region, with its unique natural and economic potential, under the combined influence of many factors, the main of which was urbanization, has undergone significant changes in ekistic processes. Urbanization contributed to the metropolisation of regional capitals, accelerated the processes of migration from rural areas and small towns, changed the socio-economic, ekistic and demographic space of the territories. The study revealed the role of social mobility of the population in the transformation of settlement, demographic losses in the*

countryside, and changes in the quality of the population. Definitely, the most radical changes took place in the growth of the population of the suburban areas and the decrease in the population of the peripheral and border areas of the regions under study. The structure of the economy, high long-term mobility of young, educated, creative people from villages to regional metropolises lead to a change in the quality of human capital, difficulties in the perception of technological innovations in rural areas. The future of the countryside is presented to the authors of the article as complex and contradictory. The results of the work carried out have practical and theoretical significance: they provide an opportunity to make informed managerial decisions on the spatial development of the region, to identify new problems of cardinal changes in the territorial organization of Russian society.

Keywords: *mobility, population, economics, territorial, social, migration, innovations, Central Black Earth Region, borderland.*

References

1. Trejvish A. I. Starye rajony 30 let spustya v usloviyax postindustrial'nogo szhatiya prostranstva. Staroosvoennye rajony: genezis, istoricheskie sud'by, sovremennye trendy razvitiya. (ed) V. N. Streleczkij. M.: IP Matushkina I. I., 2019. pp. 12–24. (in Russian).
2. Nefedova T. G. Desyat' aktual'nyx voprosov o sel'skoj Rossii. Otvetny geografa. M: LENAND, 2013. 456 p. (in Russian).
3. Nefedova T. G. Faktory i tendencii izmeneniya sel'skogo rasseleniya v Rossii. Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskikh geografov-obshchestvovedov. Rostov-na-Donu, 2018. pp. 4–21. (in Russian).
4. Alekseev A. I. Chelovek i priroda v razvitii sel'skoy mestnosti Nechernozem'ya. Regional'nye issledovaniya, 2014. no. 4. pp. 81–87. (in Russian).
5. Klyuev N. N. Ekologo-resursnyy dissonans v sel'skom khozyaystve rossijskikh regionov. Strategiya razvitiya prigranichnykh territoriy: tradicii i innovacii: monografiya, red. kol.: L. I. Popkova (otv. ed.), I. E. Trebushkova, S. A. Kazakov. Kursk, KGU, 2017. pp. 391–397. (in Russian).
6. Chugunova N. V., Polyakova T. A. Sovremennye tendencii evolyucionnogo razvitiya sel'skogo rasseleniya regiona. Geografiya: istoriya, sovremennost', perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov. (ed.) G. S. Guzhina. Krasnodar. Kubanskiy gosuniversitet, 2012. pp. 531–543. (in Russian).
7. Chugunova N. V., Morkovskaya D. N. "Mertvye" derevni v strukture sel'skogo rasseleniya Central'no-Chernozemnogo rayona. Geograficheskie issledovaniya Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Materialy Mezhdunarodnoy geograficheskoy konferencii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. V. Vorob'eva (Irkutsk, 21–25 oktyabrya 2019 g.). Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii im. V. B. Sochavy SO RAN, 2019. pp. 97–101. (in Russian).
8. Konceptiya ustojchivogo razvitiya sel'skikh territoriy Rossiyskoy Federacii na period do 2020 g. [Electronic resource]. URL: <https://refdb.ru/look/2669918-pall.html>. (reference date: 14.03.2021). (in Russian).
9. 19 sessiya OON Xabitat [Electronic resource]. URL: <https://uchebana5.ru/cont/1528702-p3.html>. (reference date: 15.11.2020). (in Russian).
10. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020. Stat. sb. Rosstat. M., 2020. 1402 p. (in Russian).

11. Chugunova N. V., Narozhnyaya A. G. Vnutrennyaya struktura aglomeratsiy i gorodskogo prostranstva Central'no-Chernozemnogo rayona sredstvami GIS. Upravlenie gorodom. Teoriya i praktika. no. 3 (37), 2020. pp. 56–62. (in Russian).
12. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Belgorodskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst14/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
13. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Voronezhskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst20/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
14. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Kurskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst38/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
15. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Tambovskoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst68/DBInet.cgi> (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
16. Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Lipeckoy oblasti. [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst42/DBInet.cgi>. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
17. Trejvish A. I. Szhatie social'nogo geoprostranstva: mezhdru real'nost'yu i utopiey / Problemy geograficheskoy real'nosti. IX sokraticheskie chteniya. Sb. dokl. (ed.) V. A. Shupera. M., 2012. pp. 166–190. (in Russian).
18. Chugunova N. V., Narozhnyaya A. G., Polyakova T. A., Kukharuk N. S., Morkovskaya D. N. Polyarizatsiya prostranstva Belgorodskoy, Voronezhskoy, Kurskoy oblastey: rol' regional'nykh stolits. Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva, 2021, Vol. 153, no. 2. pp. 18–29. (in Russian).
19. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2020: R32. Stat. sb. / Rosstat. M., [Elektronnyy resurs] URL: 2020. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fimgAF33/Region_Pokaz_2020.pdf. (reference date: 18.03.2021). (in Russian).
20. Nosonov A.M. Teoriya diffuzii innovatsiy i innovatsionnoe razvitiye regionov Rossii. Pskovskiy regionologicheskii zhurnal. 2015. no. 23. pp. 3–16. (in Russian).
21. Chugunova N. V. Sel'skaya mestnost' regiona: rasseleniye — proshloe i neopredelennoye budushhee. Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov. Sankt-Peterburg-Rostov-na-Donu, 2014. no. 3. pp. 122–134. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.06.2021 г.